

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 93/94:32(574)(045)

doi: 10.17223/19988613/99/1

Архивные документы о развитии в Казахстане обновленческого раскола в Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева

Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина, Астана, Казахстан, galpyspaeva@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема развития обновленчества в 1920–1930-е гг. на материалах архивов Казахстана. Православная конфессия была одной из многочисленных в республике. В городах и населенных пунктах Казахстана велась непримиримая борьба между православными общинами сторонников и противников обновленчества за объекты культа. Большинство храмов и церквей в городах было захвачено обновленцами при поддержке советской власти, но в волостях и уездах республики обновленчество не находило широкой поддержки.

Ключевые слова: церковный раскол, советская власть, Казахстан, религиозные общины, архивные источники

Благодарности: Исследование выполнено по программе грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН проекта: AP23486006).

Для цитирования: Алпыспаева Г.А. Архивные документы о развитии в Казахстане обновленческого раскола в Русской Православной Церкви (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 5–13. doi: 10.17223/19988613/99/1

Original article

Archival documents on the development of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (1920–1930s)

Galya A. Alpyspaeva

Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan, galpyspaeva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the development of the renovation movement within the Russian Orthodox Church in the 1920s–1930s, using the materials of Kazakhstan. The methodological basis of the work is the civilizational approach and the principle of historicism, complemented by a complex of general scientific and special historical research methods. Regulatory documents on state-church relations and administrative records from local authorities are used as sources. Critical analysis was applied to documents from the regional archives of the Republic of Kazakhstan. The study's objective is to examine and identify the regional features of the renovation movement in Kazakhstan during the first decades of Soviet power.

The Orthodox denomination was one of several in the republic, ranking second only to Islam in terms of the number of believers. The schismatic movement within the Russian Orthodox Church reached the regions of Kazakhstan, manifesting as a confrontation between the "Tikhonovites" and the "Renovationists." In the cities and towns of Kazakhstan, where Orthodox religious communities were divided into supporters and opponents of renovationism, an irreconcilable struggle ensued between believers for places of worship. The struggle was most acute in the cities of Kazakhstan, where church clergy aligned themselves with the Renovationists. In the volosts and counties of the republic, Renovationism did not find broad support among the Orthodox population. The majority of ordinary believers remained faithful to the ideas of Patriarch Tikhon. Temporary alliances with the Renovationists were often linked to the transfer of places of worship to their control.

An analysis of archival sources testifies to the political dimension of the split and the formal support of the "Renovationists" by local Soviet authorities in the 1920s, which granted them advantages in legal disputes with the "Tikhonovites." However, with the radicalization of state-church relations by the early 1930s, Soviet policy shifted towards the destruction of religion. All places of worship were subject to seizure and closure, regardless of whether the community belonged to one faction or the other.

Keywords: church schism, Soviet power, Kazakhstan, religious communities, archival sources

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of the grant funding project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN of the project: AP23486006).

For citation: Alpyspaeva, G.A. (2026) Archival documents on the development of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (1920–1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 5–13. doi: 10.17223/19988613/99/1

Введение

История послереволюционного обновленческого движения в Русской Православной Церкви (РПЦ) – актуальный дискурс тематики государственно-церковных отношений первых десятилетий советской власти. В 1920–1930-е гг. Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика (КаЗАССР) входила в СССР в составе РСФСР. Послереволюционный обновленческий раскол в стране затронул и регионы Казахстана. В рассматриваемый период православная конфессия в республике была довольно многочисленной и занимала второе место после ислама по количеству верующих.

Рост численности православных в регионе стал в начале XX в. следствием переселенческой политики самодержавия. Наиболее заметное увеличение наблюдалось в Степных областях Казахского края. В Семипалатинской области православным было 20,69% населения области [1]. В Тургайской области в 1915 г. удельный вес православных составлял 36,02%, в области насчитывалось 88 приходских церквей, 99 часовен и молитвенных домов [2. С. 9]. В Акмолинской области в 1911 г. проживали 831 899 человек, исповедующих православие, что составляло 57,6% от общего населения области [3. С. 977], а в 1915 г. – 887 903 человек [4].

До начала революционных потрясений и в первые десятилетия советского периода истории православные приходы на территории Казахстана находились под юрисдикцией трех епархий РПЦ: Оренбургской, Омской и Туркестанской. Приходы в пределах Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей находились в ведении Туркестанской епархии. С момента образования в 1895 г. и до закрытия в 1937 г. Омской епархии в ее границах находились приходы Акмолинской и Семипалатинской областей. В городах Казахстана, Семипалатинске и Акмолинске, находились викариатства епархии. Приходы на территории Уральской и Тургайской областей состояли под юрисдикцией Оренбургской епархии, с 1908 по 1920 г. она официально именовалась как Оренбургская и Тургайская епархия.

Материалы казахстанских архивов не использовались в полной мере в качестве источниковой базы изучения региональных аспектов раскольнического движения в РПЦ в 1920–1930-е гг. Между тем в фондах областных архивов Казахстана отложился источниковый материал в виде документации делопроизводства местных органов власти, в ведении которых находились вопросы религиозной политики советской власти. Комплекс используемых источников разнохарактерный и включает: протоколы заседаний уездных и губернских исполнительных комитетов; отчеты и обзоры руководителей административных отделов уездной и губер-

нской милиции, осуществлявших контроль деятельности религиозных общин; информационные сводки ОГПУ и прокуратуры о политическом и моральном состоянии населения губерний; заявления и жалобы верующих касательно изъятия объектов культа; тексты агитационных материалов для проведения антирелигиозной пропаганды; материалы текущей статистики и другие документальные источники.

Следует отметить сложности в работе с источниками. Документы по обозначенной тематике разрознены и не систематизированы в рамках отдельных фондов, официальная статистика отсутствует. Материалы текущей статистики весьма противоречивы. Сведения о религиозных общинах собирались, как правило, в связи с антирелигиозными мероприятиями советской власти, а потому не могут считаться вполне достоверными. Чиновники на местах нередко занижали численность верующих, особенно в тех случаях, когда отчитывались об итогах атеистической пропаганды либо когда испрашивалась статистика по числу верующих при закрытии объектов религиозного культа. Чтобы оправдать свое незаконное решение о закрытии церквей, они умышленно занижали число верующих во вверенных им населенных пунктах. Кроме того, верующие часто скрывали свои религиозные убеждения, боясь преследований со стороны советских органов. При работе с документами необходимо также учитывать тот факт, что отложившиеся в архивных фондах светские источники отличаются предвзятым отношением к религии. В контексте сказанного задача данной статьи состоит в том, чтобы на основе критического анализа архивных источников восполнить пробел в изучении данного аспекта государственно-церковных отношений в республике и показать региональные особенности развития обновленчества в Казахстане в первые десятилетия советской власти, отношение к расколу церковного клира и паствы.

Изученность темы исследования

Изучение развития обновленческого раскола РПЦ в Казахстане нельзя объективно осветить без обращения к работам российских авторов, как светских, так и духовных, в которых проблема обновленчества в 1920–1930-е гг. получила концептуальное осмысление на основе вовлечения в научный оборот широкого круга документальных источников. Православные Казахстана были частью русского православного мира, соответственно, и обновленческий раскол в Казахстане развивался в русле общецерковного, общероссийского раскольнического движения.

В первую очередь следует отметить классическую работу А.Э. Левитина-Краснова и В.М. Шаврова об

обновленчестве в РПЦ [5]. Это капитальный труд, характеризующий принципиальные различия между дореволюционным движением за церковное реформирование и послереволюционным обновленчеством. Противоречивая оценка деятельности лидеров послеоктябрьского обновленчества, характеристика их позиций в расколе побуждают к изучению этого противоречивого периода в истории православия. Глубина и фундаментальность исследования, насыщенность документальными материалами позволяют оценивать работу как ценный источник для научного изучения послереволюционного обновленчества.

Работа В.В. Лобанова посвящена изучению вопросов обновленческого раскола в Русской Православной церкви в его динамике [6]. Она охватывает весь период раскола, начиная с зарождения церковного реформаторства в начале XX в. и заканчивая ликвидацией раскола в послевоенные годы. Анализируя предысторию раскола, автор обосновывает значение Поместного Собора 1917–1918 гг. в преодолении церковной смуты. В качестве факторов и причин успехов обновленчества в 1922–1923 гг. рассматривается инициированная и управляемая советской властью политика борьбы с РПЦ. В целом же круг изучаемых автором вопросов позволяет понять причины, динамику развития и последствия раскола.

Проблему взаимосвязи реформаторства РПЦ начала XX в. и послереволюционного обновленчества анализирует И.В. Воронцова. Автор опирается на нарративы журнала «Соборный разум» и предлагает свою точку зрения по дискуссионным вопросам: было ли реформаторство и послереволюционное обновленчество одним единым движением, и можно ли согласиться с тем, что послереволюционное обновленчество является исключительно политическим феноменом [7]. Изучив идеологию левореформаторства в церковном движении 1905–1907 гг. и послереволюционного обновленчества, автор резюмирует вывод об их преемственности.

Историографический дискурс церковного раскола РПЦ представлен в работах В.В. Лавринова. Изучив проблему, он приходит к выводу, что в постсоветской историографии положено начало новому концептуальному осмыслению обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920–1940-е гг. на основе вовлечения в научный оборот широкого круга источников. По мнению автора, при всем многообразии уже имеющейся литературы по истории движения эта тема требует более пристального изучения. Автор констатирует, что остаются нерешенными вопросы, связанные с изучением внутренних противоречий обновленческого движения, динамики его развития и характеристики личностей, его проводивших, недостаточно исследован региональный аспект темы, что обуславливает необходимость ее дальнейшей разработки [8. С. 156]

Изучению регионального аспекта проблемы, развитию обновленчества на территории Казахстана посвящены работы В.Б. Заславского и В.Ю. Воронцова. Оба автора рассматривают развитие обновленчества на территории Туркестанской и Ташкентской епархии, учрежденной в 1872 г. В ведении епархии находились

православные общины Средней Азии и южных областей Казахстана.

В.Б. Заславский анализирует развитие событий и борьбу сторонников Тихона против обновленцев в Ташкенте, к тому времени административном центре епархии. В рассматриваемый период здесь находилась кафедра Преосвященного, перенесенная из г. Верного в 1916 г. Автор характеризует деятельность епископов епархии, поддержавших раскол и пытавшихся захватить церковное управление. Он отмечает, что поддержку туркестанским обновленцам оказывал Комиссариат внутренних дел Туркестанской АССР, на основе привлечения документальных материалов показывает взаимодействие обновленцев с органами ОГПУ–НКВД [9].

В.Ю. Воронцов (иеромонах Иаков) исследует обстоятельства обновленческого раскола в бывшем центре Ташкентской и Туркестанской епархии – Алма-Ате (ранее – г. Верный), где в обновленчество перешел епархиальный клир в полном составе, а центром движения стал Вознесенский собор [10]. По мнению автора, несмотря на раскольническую позицию духовенства, паства отнеслась к обновленчеству неодобрительно.

Интересна работа М.М. Ларионова (иеромонаха Иустина) о событиях, происходивших в Семипалатинске в 20–30-е гг. XX в. [11]. В ней подробно излагаются обстоятельства борьбы между тихоновцами и обновленцами за объекты культа в городе. Симпатии автора на стороне тихоновцев, которых он называет православными. По сведениям иеромонаха, именно обновленческие храмы в конце 1920-х гг. оказались заброшенными, решением городских властей в числе первых были закрыты и разрушены.

Результаты

Идеологическая и административная борьба с религией в Казахстане, как и в стране в целом, началась с первых лет советской власти. Первым шагом в антирелигиозной борьбе в регионах стало массовое переименование населенных пунктов и деревень, имевших религиозные названия. Таких населенных пунктов в Казахстане было немало, в основном переселенческие села и деревни, в которых проживали православные крестьяне-переселенцы. Решением местных исполнительных комитетов их массово «переименовали в революционном духе». Например, с Богословское переименовали в Красноармейское, пос. Благовещенский – в Первомайский, пос. Вознесенский – в Коммунистический, пос. Поповский – в Красный, пос. Троицкий – в Поселок имени Троицкого, пос. Петропавловский – в Комиссарский [12. Ф. 73. Оп 1. Д. 204. Л. 12]. Свое решение власти объясняли ссылкой на «участвовавшие случаи обращения жителей».

Формирующаяся в 1920-е гг. советская парадигма конфессиональной политики предполагала в перспективе полное уничтожение религиозных институтов. На решение этой задачи были направлены принимаемые нормативно-правовые акты советского правительства, регулировавшие отношения государства и религий. Все религиозные конфессии испытывали административное давление, ограничения и притеснения со сто-

роны советских органов. Что касается православия, то не только внешние неблагоприятные обстоятельства, но и внутренние противоречия, в частности поддержанный безбожниками обновленческий раскол, осложняли взаимоотношения между верующими и были выгодны советской власти, использовавшей их в своих политических целях.

26 февраля 1922 г. ВЦИК издал Декрет об изъятии церковных ценностей. Формальным предлогом послужил голод, разразившийся в ряде регионов страны. Изъятие церковных ценностей происходило по всей стране, в том числе и в Казахстане. В городах и уездах создавались особые комиссии, в состав которых входили представители исполкома, УКОМГОЛА, РАБКРИНА, финотдела и по одному представителю от верующих общин – церковных советов [13. Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 35]. Комиссии на местах описывали и оформляли передачу церковных ценностей государству. Уездным комиссиям рекомендовалось в работе учитывать настроение масс, подготавливать общественное мнение верующих путем агитации и созыва совещаний церковных советов. В исключительных случаях допускалось проведение общего собрания верующих с обязательным вынесением резолюции о добровольной сдаче церковных предметов в пользу голодающих крестьян. Рекомендовалось «никаких нападков и насилий по отношению верующих не допускать, соблюдать строго обдуманый подход, чтобы избежать всяких недоразумений и выступлений» [13. Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 39].

Отношение верующих к этой акции государства было неоднозначным. Часть духовенства, возглавляемая патриархом Тихоном, не поддержала призывы и действия советской власти. Сторонников патриарха в архивных документах называли «тихоновцами», «реакционерами», «князьями церкви». По стране прокатилась волна возмущения и протестов против незаконной экспроприации богослужебных предметов. Но часть духовенства и приходские советы, именуемые в источниках «обновленцами», не только приняли активное участие в отборе ценностей для передачи властям, но и организовывали сбор средств в помощь голодающим. Сторонники изъятия причисляли себя к «прогрессивному» духовенству и инициировали раскол, вошедший в историю под названием обновленческого. Как отмечают исследователи, «воздействие революционной эпохи сказалось не только на взаимоотношениях церкви и государства. Внутри самой церкви, среди духовенства и верующих, произошло своеобразное расслоение, обозначились так называемые «прогрессивные» тенденции, возникли группы и течения, призывавшие к “революции в церкви”, к радикальному и всестороннему “обновлению” церковной жизни» [5. С. 2–25].

1922–1923 годы принято считать расцветом обновленческого движения в стране. На окраинах страны стали стихийно возникать исполкомы и исполнительные бюро по делам РПЦ. Раскол докатился и до регионов Казахстана. В городах и населенных пунктах Казахстана, где имелись религиозные общины православных, обострилась борьба между верующими за объекты культа. Информационные сводки ОГПУ и прокуратуры о политическом и моральном состоянии

населения губерний за 1920-е гг. изобилуют фактами раскола и противостояния в христианских общинах. В качестве примера приведем выдержку из информационной сводки № 5 полномочного представителя ОГПУ по КазАССР от 7 марта 1924 г., в которой сообщалось, что «в г. Орске в течение февраля имел место церковный раздор между двумя попами. Верующие разбились на два враждующих лагеря. Причина раздора – несогласованное пользование приходом. Уездный исполнительный комитет раздор ликвидировал путем привлечения одного из попов к ответственности» [14. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 9–10]. Споры между православными верующими и обновленцами не ограничивались полемикой, – шла настоящая борьба за храмы и церковное имущество, доходившая порой до рукоприкладства и побоев верующих.

В регионах вопросами урегулирования обострившихся взаимоотношений между староцерковниками и обновленцами занимались административные отделы органов милиции и прокуратуры. В отчетах чиновников этих отделов и материалах судебных тяжб между тихоновцами и обновленцами немало сведений о церковном противостоянии.

Епископ Верненской кафедры, находившейся в Алма-Ате, Леонид (Скобеев) первым из иерархов принял обновленчество. Возможно, потому что был в гуще событий, поскольку он именовался Верненским только по титулу, а реально находился в Москве. Его преемник епископ Верненский, а с 1926 г. временно управляющий Ташкентской и Туркестанской епархией Сергей (Лавров) в условиях отдаленности от Москвы и тотального контроля со стороны ОГПУ ничего не мог противопоставить обновленчеству в епархии, а в 1927 г. и сам уклонился в раскол. Центром обновленчества в Алма-Ате был Вознесенский кафедральный собор. Активными деятелями обновленчества стали священники Матфей Шевченко-Долиндовский (Долиндо) и Виктор Ельцов. В августе 1923 г. в Вознесенском соборе под руководством уполномоченного Высшего Церковного управления (ВЦУ) священника Матфея Шевченко прошел первый съезд обновленческого духовенства Ташкентской и Туркестанской епархии [10. С. 98].

В Семипалатинске в июле 1922 г. разгорелась борьба между сторонниками патриарха Тихона в лице викарного епископа Семипалатинского Киприана (Комаровского) и обновленцами, возглавляемыми присланным из Омска епископом Николаем. В декабре того же года епископ Киприан и еще ряд сторонников патриарха из числа клира и мирян были арестованы за «контрреволюционную деятельность». Этим воспользовались обновленцы и приступили к захвату главных храмов города. Их поддержали городские власти и вынесли решение о передаче Знаменского собора и Александро-Невского храма в Семипалатинске обновленцам. Тихоновцы воспротивились судебному решению и спрятали ключи от обоих зданий. Группа верующих церковного совета обновленческого направления обратилась в Семипалатинский губернский административный отдел с заявлением против действий руководителей общины тихоновцев, настаивая на изъятии

тии ключей и передаче их обновленцам [12. Ф. 73. Оп. 1. Д. 24. Л. 24]. После проведения в жизнь судебного решения за тихоновцами остались две небольшие церкви, не вмещавшие преобладающее число сторонников патриарха. Поэтому они не смирились с таким положением, неоднократно обращались к властям с ходатайством о передаче им собора и добились положительного решения вопроса. В конце 1920-х гг. сторонники Тихона вернули себе Знаменский собор и Воскресенскую церковь. За обновленцами остались Никольская и Всехсвятская церкви. Таким образом, был достигнут компромисс.

В Павлодаре летом 1922 г. духовенство двух главных церквей города, Троицкого собора и Воскресенской кладбищенской церкви, перешло на сторону обновленческого движения [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 109. Л. 85]. Здания обеих церквей решением городского совета были переданы общине обновленцев, поддерживаемой властями. Но общины тихоновцев как более многочисленные воспротивились данному решению и начали борьбу за возврат объектов культа [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 112]. В документах Павлодарской уездной милиции и уездной прокуратуры отложились сведения о развитии этих событий. В ходе противостояния миряне Воскресенской общины присоединилась к тихоновцам, вследствие чего в городе параллельно существовали две общины: в Троицком соборе – обновленцы, в Воскресенской церкви – тихоновцы. Но после обновленческого «Поместного Собора», проходившего в Москве в 1925 г., на котором так и не произошло примирения двух общин, большая часть обновленческой общины Троицкого собора перешла на сторону тихоновцев. Они захватили собор и вытеснили оттуда сторонников обновленцев. Последние, в свою очередь, обратилась с ходатайством в административный отдел губернской милиции о передаче им одной из церквей, захваченных тихоновцами-староцерковниками.

Власти приняли решение о передаче Троицкого собора обновленцам. Вызванным в административный отдел милиции церковному старосте, председателю и членам церковного совета было предложено «произвести передачу собора на основании существующих законоположений и телеграфного распоряжения начальника губернского административного отдела» [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 74. Л. 85–86]. Однако они отказались выполнять решение, сославшись на отсутствие таких полномочий, и обратились с ходатайством в уездный исполком о разрешении проведения собрания для выборов уполномоченных по передаче собора. Им разрешили собрать 60 человек из числа подписавших договор. Но члены церковного совета, по словам чиновников, «будировали массы», на собрании присутствовали более трехсот человек. Перед собравшимися выступил представитель духовенства Луговцев. В своей речи он сообщил, что здание церкви власти хотят использовать под театр, и призвал верующих «постоять за веру, за Христа» [15. Ф. 12. Оп. 1. Д. 77. Л. 349 об.]. Участники собрания приняли постановление: «Церковь не сдавать, требованиям власти не подчиняться и отправить делегатов в центр». Ключи от собора верующие спрятали. Все закончилось тем, что чиновники

адмоддела после соблюдения всех формальностей взломали наружный замок дверей собора, а инициаторов в лице церковного руководства арестовали и привлекли к суду. Так было прекращено «будирование верующих», а собор передан обновленцам.

В марте 1924 г. обновленцы во главе с епископом Александром Знаменским при поддержке местных властей захватили Никольский собор в Кустанае. Захват собора был обставлен следующим образом. Староцерковную общину, арендовавшую собор с ноября 1922 г., обвинили в нарушении условий договора, а именно в том, что при внеплановой ревизии в конце 1923 г. в соборе были найдены вещи и предметы, не внесенные в ранее составленную опись. Несмотря на то, что представители староцерковной общины объяснили вполне законное наличие излишков, городские власти расторгли с ними договор и в феврале 1924 г. передали собор обновленческой общине. Священников собора Антонина Русанова и Николая Розанова, а также церковного старосту Николая Солюянова арестовали и заключили в тюрьму [16. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 74. Л. 16]. Им было предъявлено обвинение в несоблюдении договора аренды собора. Обвинение было полностью сфабрикованным, и через несколько месяцев их отпустили. К этому времени в соборе уже служили обновленческие священники. Расторжение договора и аресты священников-староцерковников были нужны городским властям для того, чтобы передать Никольский собор обновленцам.

Не менее драматично развивалась борьба между староцерковниками и обновленцами за молитвенные дома в Петропавловске, где насчитывалось 12 религиозных общин тихоновского направления и 6 – обновленческого. Во второй половине 1920-х гг. городскими властями было закрыто 11 молитвенных зданий «тихоновцев» и 3 здания обновленцев. За оставшиеся объекты культа и развернулась борьба между верующими. Верующие-староцерковники обращались с жалобой на действия властей в Казахский Центральный исполнительный комитет. Ответ из КазЦИКа был таков: «Предоставить в пользование староцерковникам г. Петропавловска молитвенный дом». Городские власти приняли компромиссное решение и отчитались перед вышестоящими органами управления о том, что «взаимоотношения между староцерковниками и обновленцами г. Петропавловска и Станционного поселка урегулированы» [17. Ф. 55. Оп. 1. Д. 539. Л. 50].

В Актюбинске имелось два православных храма: Владимирская церковь и Александро-Невский собор. Оба объекта решением Актюбинского губернского адмоддела в июле 1928 г. были переданы в пользование обновленцам [18. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21. Л. 17]. Но из-за протестов тихоновцев в декабре того же года решением окружных властей Владимирскую церковь вернули староцерковникам-тихоновцам [18. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21. Л. 31].

Борьба между тихоновцами и обновленцами нередко приобретала политическую окраску. В докладах чиновников уездных административных отделов сообщалось, что сторонники обновленческого направления предпринимали попытки «организовать свое течение

по форме политической организации», разрабатывая уставы по образцу уставов политических партий. Пользуясь поддержкой советских органов, обновленцы стремились переманить на свою сторону последователей тихоновского направления, но не всегда успешно. В архивных документах приводится немало таких свидетельств. К примеру, в январе 1927 г. в Красноармейскую волость Кокчетавского уезда выезжал епископ Петропавловский Алексей (Кононов), пытавшийся агитировать верующих села Сухотина перейти на сторону обновленцев. Он встретил резкое сопротивление со стороны местного духовенства и вынужден был удалиться ни с чем [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 107. Л. 89]. Можно предположить, что политизации религиозного движения способствовали общая атмосфера в стране, жесткое идеологическое давление на верующих, противостояние и борьба между тихоновцами и обновленцами за молитвенные здания. Этим объясняется и неустойчивость православных общин, переходы верующих из одного направления в другое.

Анализ архивных источников выявляет отношение и позицию советских органов власти к противостоянию тихоновцев и обновленцев и позволяет утверждать, что церковный раскол использовался большевиками как средство борьбы с РПЦ в своих политических интересах. Приведем выдержку из инструкции губернских органов: «Предполагается в районах смотреть на все благосклонно, пусть волнуются, собираются, беседуют, пугаются, коммунистам в это дело ввязываться не следует. Необходимо провести так, чтобы ни партия, ни соввласть не были вмешаны в это дело (имеется в виду в раскол. – Г.А.). Но на местах помогать прогрессистам, давать помещения, типографии и прочее, и вообще прислушиваться к всякой мелочи и сообщать в губернию для печати. Вопрос этот очень важен» [18. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 99. Л. 19–19 об.]. Поддерживаемый советской властью конфликт в среде православных верующих использовался для ослабления авторитета и влияния церкви на массы. По мнению исследователей, создание внутреннего кризиса в Православной Церкви путем привлечения части духовенства к сотрудничеству должно было завершиться репрессивным давлением всей церковной структуры и иерархии [19].

Оказывая поддержку обновленческому расколу, региональные и местные органы советской власти действовали в соответствии с установкой, поступающей из центра. Показательно в этом плане содержание шифрограммы за подписью секретаря РКП(б) В.М. Молотова от 23 марта 1922 г., поступившей в регионы в связи с развернувшейся газетной кампанией по поводу изъятия церковных ценностей. В тексте шифрограммы, реальным автором которой был Л.Д. Троцкий, указывалось, что кампания ведется неправильно, что она направлена против духовенства вообще, а потому спланирована ее, в то время как «политическая задача данного момента совсем не та, а противоположная. Нужно расколоть попов, а точнее, углубить и заострить существующий раскол. И в Питере, и в Москве, и в провинции есть много попов, которые согласны на изъятие ценностей, но боятся верхов. Недовольство верхами, которое ставит низы духовенства в трудное

положение в этом вопросе, очень велико. Мы должны сейчас в агитации исходить из этого основного факта... Задача агитации – поддержать сейчас эти низы против верхов и дать им понять и почувствовать, что государство не позволит верхам терроризировать их, поскольку они стремятся обеспечить исполнение декретов рабоче-крестьянской власти... Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их в конкретнейшем вопросе помощи голодающим, а затем показать им суровую руку рабочего государства» [18. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 99. Л. 7].

Установить численность общин того или другого направления в городах и селах Казахстана не представляется возможным, поскольку отсутствует достоверная официальная статистика. В отчетах чиновников не всегда достоверно указывалась принадлежность религиозных общин к тому или иному направлению. В делопроизводственных документах обновленческие общины нередко указывались как «религиозные новообразования после Октябрьской революции» [20. Ф. 838. Оп. 4. Д. 17. Л. 7–8]. Кроме того, анализ источников позволяет утверждать, что уже в то время для многих верующих понятен был политический смысл раскола, а потому воспринимался ими как явление временное и не столь принципиально важное в мировоззренческом смысле. Для них более важным было сохранение за общиной церковей и молитвенных зданий. Этим объясняются частые переходы общин православных из одного лагеря в другой в зависимости от того, за какой общиной будет сохранен собор или церковь [15. Ф. 12. Оп. 1 Д. 74. Л. 111 об., 112]. Именно поэтому данные текущей статистики противоречивы.

По сведениям административных отделов уездных исполкомов, в уездах северных губерний Казахстана преобладали общины тихоновского направления. К примеру, по данным Кокчетавского уездного адмтдела исполкома Акмолинской губернии за 1927 г., «религиозные общины придерживаются больше тихоновской церкви» [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 108. Л. 238]. В докладах чиновников административных отделов милиции Рузаевской и Ак-Бурлукской волостей отмечалось, что «православные религиозные общины более придерживаются старой веры», подразумевая тихоновцев [13. Ф. 54. Оп. 1. Д. 108. Л. 57, 70]. В Ворошиловском районе Северо-Казахстанской области во всех населенных пунктах действовали православные общины тихоновского направления, а в Петропавловском районе из 15 общин 8 были приверженцами патриарха Тихона [17. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–18].

О преобладании в северных областях Казахстана общин тихоновского направления косвенно свидетельствуют статистические данные о количестве закрытых молитвенных домов. Как известно, покровительство и поддержка большевиками обновленцев-прогрессистов были лишь временным явлением. Но уже к началу 1930-х гг. изъятию и закрытию подвергались все храмы, церкви и молитвенные дома независимо от того, к какому направлению относились общины верующих. Согласно материалам текущей статистики о количестве закрытых объектов культа, можно резюмировать о преобладании общин тихоновцев (таблица).

**Сведения о религиозных объединениях и закрытых молитвенных домах по Петропавловскому району
и г. Петропавловску Казахской АССР на 1 декабря 1931 г.**

Наименование религиозных объединений	Всего закрыто с 1918 г.		Из них закрыто			Как использованы закрытые молитвенные здания				Состояло на учете до 1 декабря 1931 г.		
	Молитвенные здания	Молитвенные помещения	Постанов. мест. орган. при отсутствии жалоб	Постанов. мест. орган. без утверждения ВЦИКа	Закрыто с утверждением ВЦИКа	Снесено	Переоборудовано, использовано	Занято без переоборудования	Не использовались	Религиозных групп	Религиозных обществ	Молитвенных зданий и помещений
Тихоновского направления	11	–	11	–	–	–	11	–	–	–	12	16
Обновленческого направления	6	–	4	–	2	2	4	–	–	–	6	6

Примечание. Составлено по: [17. Ф. 2376. Оп. 1. Д. 1. Л. 37].

О том, как складывалась ситуация в южных регионах, за кем шло большинство верующих, свидетельствуют данные исследователей. Так, В.В. Заславский приводит статистические сведения из материалов информационного отдела НКВД о том, что в Казалинске обновленцы составляют 75%, а «тихоновщина не имеет силы», в Голодной Степи обновленцев 100%, в Аулие-Ате – 97% [9. С. 123]. Автор отмечает, что епископы Туркестанской церкви, поддержавшие раскол, тесно взаимодействовали с органами ОГПУ–НКВД, благодаря чему обновленцы Средней Азии и Казахстана добились успеха. Можно предположить, что цифры несколько преувеличены.

Следует согласиться с мнением В.Ю. Воронцова о том, что абсолютное большинство храмов в Казахстане и Средней Азии принадлежало обновленцам [10. С. 98], поскольку решения о передаче в пользование церковью принимали местные власти и, как правило, в пользу обновленцев. Но миряне-тихоновцы боролись и нередко добивались возврата им части культовых зданий.

Необходимо остановиться на еще одном аспекте церковного раскола. В пропагандистских целях чиновники на местах разрабатывали тексты лекций, с которыми активисты-атеисты выступали перед населением. Искажая смысл и сущность происходящих событий, раскол в РПЦ они характеризовали как «февральскую революцию в иерархическом духовном государстве», проводя аналогию с политическими событиями в стране: «Их революцию можно сравнить с нашей. Патриарх Никон отрекся от престола – это наша Февральская революция. Группа прогрессистов собирает собор – это уже похоже на наше Учредительное собрание, и вообще духовенство готовится к Октябрьской революции» [15. Ф. 7-п. Оп. 1. Д. 181. Л. 2]. Населению внушались идеи о том, что «всякая революция и гражданская война старается освободить духовную сторону угнетенного класса, а духовное освобождение началось с Декрета об отделении церкви от государства 23 января 1918 года» [15. Ф. 7-п. Оп. 1. Д. 181. Л. 6].

Архивные документы свидетельствуют, что региональные чиновники и сами не всегда понимали смысл происходящих событий. В материалах протоколов губернских совещаний секретарей райкомов РКП(б), на которых обсуждались вопросы изъятия церковных

ценностей и отношение к нему православных мирян и духовенства, мы находим характеристику сложившейся в РПЦ в связи с расколом ситуации, такой как ее видели чиновники. Приведем выдержку из протокола губернского совещания секретарей райкомов РКП(б) в Оренбурге (в 1920–1924 гг. Оренбург был столицей КазАССР. – Г.А.). На повестке дня – один вопрос: об изъятии церковных ценностей комитетом и «революционизировании духовенства». Члены комитета докладывали о работе комиссии по изъятию ценностей и характеризовали церковный раскол так: «В связи с изъятием ценностей из церковей среди духовенства произошел раскол. Задались целью произвести церковную реформу, раскол церкви имеет корни в крестьянских массах... Мы убрали царя, прошла октябрьская революция, а она (имеется ввиду Церковь. – Г.А.) осталась та же. Но обстоятельства, вызывавшиеся в связи с голодом, отобрание ценностей и прочие изменения республики заставили их призадуматься над вопросом: признать или не признать Советскую власть... Низшее духовенство было за отобрание ценностей. Высшее, мотивируя тем, что это против законов, стали против. Дело доходило до восстаний, и раскол углубился, получились два течения: князья церкви и прогрессисты» [14. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 1, 4].

В заключение следует отметить, что дискурсивный анализ архивных документов о развитии послереволюционного обновленчества в РПЦ в Казахстане дает основание утверждать, что события разворачивались по тому же сценарию, как в стране в целом. Церковный раскол в городах Казахстана сопровождался противостоянием между тихоновскими и обновленческими общинами за объекты культа и церковную недвижимость. Местные советские органы, действуя в соответствии с инструкциями «сверху», открыто поддерживали обновленцев, передавая им в пользование церкви и храмы, что вызывало массовые протесты тихоновцев. Нередко местные власти, опасаясь волнений, выносили компромиссные решения, возвращая тихоновцам часть отобранных зданий. В волостях и уездах республики обновленчество не находило широкой поддержки православного населения. Основная масса верующих оставалась верной идеям патриарха Тихона, а временные переходы на сторону обновленцев связаны были с передачей им объектов культа.

Список источников

1. Обзор Семипалатинской области за 1911 год. Семипалатинск : Тип. Областного правления, 1913. 110 с.
2. Обзор Тургайской области за 1915 год. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1916. 175 с.
3. Alpyspaeva G.A., Sametova G., Jumaliyeva L.T. The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism // *Bylye Gody*. 2022. Vol. 17 (2). P. 975–985.
4. Обзор Акмолинской области за 1915 г. / изд. Акм. обл. стат. комитета. Омск : Электро-тип. Акмол. обл. правления, 1917. 87 с.
5. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты : материалы по истории Церкви. М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. Кн. 9. 670 с.
6. Лобанов В.В. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви (1922–1946). М.–СПб: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук : Петроглиф, 2019. 268 с.
7. Воронцова И.В. Журнал «Соборный разум» как источник по истории обновленчества в 1918 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 102. С. 77–109.
8. Лавринов В.В. Историография обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920–1940-ые годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 151–158.
9. Заславский В.Б. Пострадавшие за веру православную в Туркестанской епархии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 111–125.
10. Воронцов В.Ю. Обновленческий раскол в Алма-Ате в 1922–1944 гг. // XXIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : материалы. М. : Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 97–101.
11. Ларионов М.М. (иеромонах Иустин). Из истории православного Семипалатинска в 20–30-х гг. XX века. Обновленческий раскол // Усть-Каменогорская и Семипалатинская епархия. 2022. 18 февр. URL: <https://vko-eparhia.kz/eparhiya/history/150-from-the-history-> (дата обращения: 27.02.2023).
12. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области.
13. Государственный архив Акмолинской области.
14. Оренбургский государственный архив социально-политической истории.
15. Государственный архив Павлодарской области.
16. Государственный архив Костанайской области.
17. Государственный архив Северо-Казахстанской области.
18. Государственный архив Актыубинской области.
19. Кияшко Н.В. «Враждебные попы не нужны»: эволюция религиозной политики советской власти в 1922 г. в свете деятельности органов ВЧК-ГПУ на Кубани // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2. История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 99. С. 134–149.
20. Государственный архив Южно-Казахстанской области.

References

1. Anon. (1913) *Obzor Semipalatinskoy oblasti za 1911 god* [Overview of the Semipalatinsk region for 1913]. Semipalatinsk: Tip. Oblastnogo pravleniya.
2. Anon. (1916) *Obzor Turgayskoy oblasti za 1915 god* [Overview of the Turgai region for 1915]. Orenburg: Tip. B. Breslina.
3. Alpyspaeva, G.A., Sametova, G. & Jumaliyeva, L.T. (2022) The Confessional Dimension of the Resettlement Policy of the Autocracy in the Kazakh Region at the beginning of the 20th century: the Fight against Sectarian Proselytism. *Bylye Gody*. 17(2). pp. 975–985.
4. The Akmolinsk Committee of Statistics. (1917) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1915 g.* [Overview of the Akmolinsk region for 1915]. Omsk: Elektro-tip. Akmol. obl. Pravleniya.
5. Levitin-Krasnov, A. & Shavrov, V. (1996) *Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty: materialy po istorii Tserkvi* [Essays on the history of Russian church turmoil. Materials on the history of the Church]. Vol. 9. Moscow: Krutitskoe Patriarshee podvor'e.
6. Lobanov, V.V. (2019) *"Obnovlencheskiy" raskol v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi (1922–1946)* [The "Renovationist" schism in the Russian Orthodox Church (1922–1946)]. Moscow, St. Petersburg: RAS; Petroglif.
7. Vorontsova, I.V. (2021) Zhurnal "Sobornyy razum" kak istochnik po istorii obnovlenchestva v 1918 godu [The journal "Sobornyy razum" as a source on the history of Renovationism in 1918]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 102. pp. 77–109.
8. Lavrinov, V.V. (2008) Istoriografiya obnovlencheskogo dvizheniya v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v 1920–1940-e gody [Historiography of the renovation movement in the Russian Orthodox Church in the 1920–1940s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24. pp. 151–158.
9. Zaslavskiy, V.B. (2006) Postradavshie za veru pravoslavnyuyu v Turkestanskoj yeparkhii [Priest Martyrs in the Tashkent Diocese]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 3(20). pp. 111–125.
10. Vorontsov, V.Yu. (2019) Obnovlencheskiy raskol v Alma-Ata v 1922–1944 gg. [The Renovationist schism in Alma-Ata in 1922–1944]. *XXIX Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [The 29th Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities]. Moscow: PSTSU. pp. 97–101.
11. Larionov, M.M. (2022) Iz istorii pravoslavno Semipalatinska v 20–30-kh gg. XX veka. Obnovlencheskiy raskol [From the history of Orthodox Semipalatinsk in the 20-30s of the XX century. The Renovationist split]. *Ust-Kamenogorskaya i Semipalatinskaya eparhiya*. 18th February. [Online] Available from: <https://vko-eparhia.kz/eparhiya/history/150-from-the-history-> (Accessed: 27th February 2023).
12. The Center for Documentation of the Contemporary History of the East Kazakhstan Region.
13. The State Archive of the Akmola Region.
14. The Orenburg State Archive of the Socio-Political History.
15. The State Archive of the Pavlodar Region.
16. The State Archive of the Kostanay region.
17. The State Archive of the North Kazakhstan Region.
18. The State Archive of the Aktyubinsk Region.
19. Kiyashko, N.V. (2021) "Vrazhdebnye popy ne nuzhny": evolyutsiya religioznoy politiki sovetsoy vlasti v 1922 g. v svete deyatelnosti organov VChK-GPU na Kubani ["We Don't Need Any Hostile Priests": the Evolution of Religious Policy of Soviet Authorities in 1922 with Security Services in Kuban' Region as an Example]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 99. pp. 134–149.
20. The State Archive of the South Kazakhstan Region.

Сведения об авторе:

Алпыспаева Галья Айтпаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана Казахского агротехнического исследовательского университета им. С. Сейфуллина (Астана, Казахстан). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Alpyspaeva Galya A. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of the History of Kazakhstan of Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: galpyspaeva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2023; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 05.03.2023; accepted for publication 21.01.2026